

ИЮЛЬ

7 Июля 1900, СПб.

Письмо Н. К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Добрая и хорошая моя Ладушка, сейчас я вернулся из мастерской — сегодня писал воронов и, вероятно, до приезда к Тебе всё буду писать их же. Никак не удаётся остаться одному, все ходят по комнате: то дядя, то наши. Идёт усиленная укладка; завтра в Субботу, они уезжают. Отец чувствует себя хорошо. Вчера я навестил его; редко я чувствовал себя в таком скверном положении, особенно было скверно, когда он собрался провожать меня до станции - ибо из больницы ему выходить, конечно, не разрешено.

Нашёл письмо Твоё; какое оно опять хорошее. Спасибо Тебе, моя добрая.

У Вас теперь тоже, вероятно, началась кутерьма перед отъездом.

Спроси у Екат. Вас. следующее: если она хочет продолжать дело, то у меня есть человек, котор[ому] можно поручить. Он бывший конторщик наш Лавренцов, тогда я с ним сговорюсь.

Чувствуешь ли Ты моё отсутствие? Мне оно так весьма чувствительно, и при тебе лучше и работалось бы и думалось. Завтра отправлю своих и напишу Тебе хорошенькое письмо с думами и прочим; надеюсь и от Тебя получу такое же. Ужасно неудобно писать, когда за спиной говорят, а рядом что-то заколачивают. Дядя пристаёт с разговорами и не даёт писать.

Целую Тебя крепко. Пиши скорей

Твой Н. Р.

7 Июля 1900 г.

Поцелуй Екат. Вас. и всех отъезжающих.

Отдел рукописей ГТГ. ф.44/160.1 л.

Н.К. Рерих. Вороны на кургане. Эскиз. 1900.

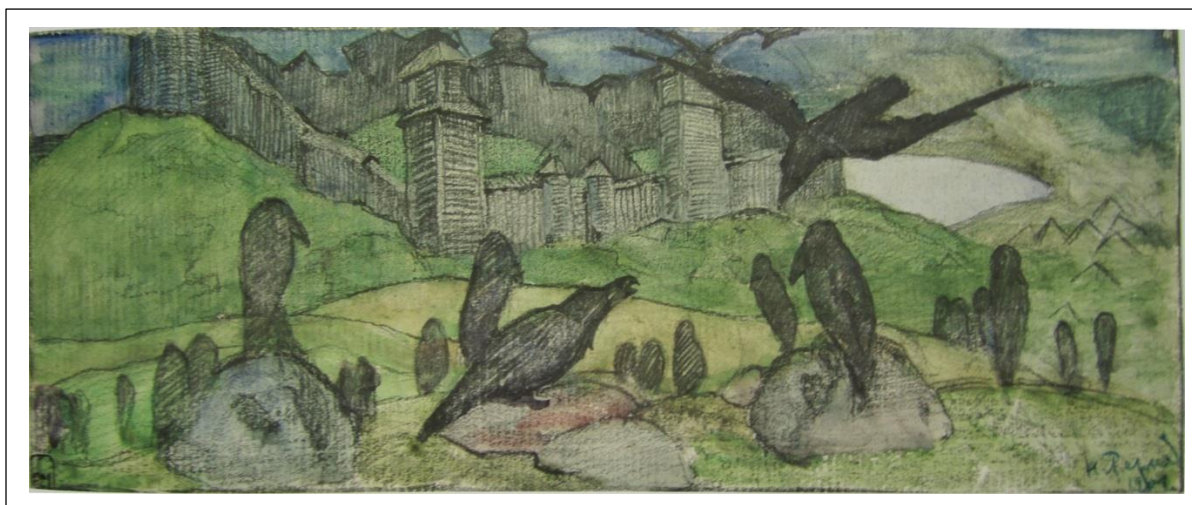
"Сегодня писал воронов, и, вероятно, до приезда к Тебе всё буду писать их же...."

Н.К. Рерих. Вороны на кургане. Эскиз. 1900.

Н.К. Рерих. Вещие. 1901.

Н.К. Рерих. Вещие. 1901. Акварель.

8 Июля 1900. [СПб.]
Письмо Н.К. Рерих к Шапошниковой Е.И.

Милая моя Ладушка, Ты,
я думаю, разгневалась, получив от меня столь безобразное письмо только на 2-х страницах. Смотри, не сердись на меня, ибо знаешь, как я стремлюсь к Тебе и что Ты для меня – весь оплот.

Сегодня утром повздорил с мамашей – из-за пустяков; я был прав, как 100.000 мучеников, но она рассердилась ни на шутку - зачем завтра я не хотел ехать к одним знакомым, где ужасно скучно. Не понимаем мы с ней друг друга, моя хорошая, - видно уж на роду нам написано вздорить с мамашами.

Сейчас был в Обществе. Сказали мне, что Боткин вернулся, и стало на душе скверно, ибо значит, на днях начнём наши занятия по каталогу – т.е. опять придётся притворяться, быть приторно любезным с человеком, которого ненавидишь, а это так тягостно, так томительно.

Видал Свиньина; положительно, он искренно ко мне расположен, и, кажется, я грешил, не совсем доверяя ему.

Сегодня в Субботу появилась статья Стороннего про Киот - прочитай. Он почти переписал её с моего черновика. Но жаль, не сохранил одного места, при котором статья была бы несомненно литературнее. Я говорил Свиньину (я ему передал Твой поклон - ничего?) про то, что князь хочет сказать де-Баю про мою картину, он находит, что это было бы очень хорошо.

Сочинил новый эскиз. Вещий баян – старик – с поводырём бредёт из стольного города по степи дорогою прямоезжею. Можно назвать «Из стольного города». Сейчас получил письмо от Зарубина: жалуется на финансовый кризис, на скверное настроение, мешающее ему работать. Пишет, что с домашними какие-то недоразумения; Господи, везде-то одно и то же!

Ладушка, милая, люби меня, как теперь – всегда! То-то у нас жизнь будет! Отбросим все эти мелкие междоусобные дразги, которые из жизни делают болото какое-то!

Что Ты эти дни думаешь? С какой стороны меня вспоминаешь? Милая, добрая!

Это время мне придётся много работать, особенно если опять по Музею начнём трудиться.

Сейчас будем обедать, потом провожать наших на вокзал, а вечер буду с дядей. Ваши копошатся теперь вовсю? Поцелуй их голубчик, если они поймут мои поцелуи.

Нельзя ли через Машек и Дунек найти в Бологое старика с белой бородой и старуху старую.

Когда приеду, то хорошо бы их порисовать для картин. Попроси.

Целую Тебя

Н.Р.

8 Июля 1900 г.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/208, 2 л.

«Сочинил новый эскиз. Вещий баян – старик – с поводырём бредёт из стольного города по степи дорогою прямоезжею. Можно назвать «Из стольного города».

Н.К. Рерих. Из стольного города. Эскиз композиции 1900.

Н.К. Рерих. Старик. [1900].

Н.К. Рерих. Старик. [1900].

«Нельзя ли через Машек и Дунек найти в Бологое старика с белой бородой и старуху старую...»

[9 -10 Июля 1900. СПб.]

Письмо Н.К. Рерих к Шапошниковой Е.И.

Воскресенье, 3 часа

Сегодня мне с утра скучно до безобразия – просто места не нахожу. Не знаю, всё ли везде благополучно. Как то Ты? - не повздорила ли опять? Хорошо ли наши едут – сегодня они в Москве. Сейчас представлял себе, что глажу Твою руку - впечатление было замечательно реальное, словно бы и в самом деле Ты около меня. Быть может, Ты находишься в скверном настроении? Уж не потому ли, что не поехала на Кавказ? Я думаю, до отъезда княгини всё будешь непокойна и будешь жалеть несостоявшуюся поездку. Мне такое чувство очень знакомо; когда другие идут для чего-либо только приятного, напр. в театр или на охоту, а сам остаёшься дома (конечно добровольно) для дела и чего-либо серьёзного и полезного, то как бы ни было сильно сознание полезности своего начинания, а всё же как-то сосёт внутри, и иногда чувствуешь себя как бы обиженным. Слава Богу, это плохое чувство продолжается не долго.

Вчера, когда провожал своих на вокзал, во мне поднялось это чувство на одну секунду, но сейчас же я подавил его.

Мама спрашивала меня, поеду ли я куда-ниб. за их отсутствие и предварила, чтобы я больше как на 2 дня никуда не ездил - видите ли, не с кем дом оставить; ей мало и дворника и 2-х прислуг. Я замолчал, ибо её не переспорить и теперь уже предвкушаю, как приеду к Тебе, моя дорогая, моя хорошая.

Я, наконец, понял, почему мы спокойнее расставались в этот раз сравнительно с прошлым – хоть и было скучно, но не было тягостного ощущения и предчувствия. – Теперь мы ещё ближе поняли друг друга и укрепились друг в друге, кроме же того, над нами не висело расставанье на 2 месяца.

Ой, как скучно мне сейчас и как хочется Тебя видеть.

Понедельник.

Нет, что ж это такое! Уже 5-тый день не имею от Тебя известий; это, прости, уже безобразие и заставляет меня мучиться. Сейчас заезжал к Князю, думал от него иметь какие либо известия, но его нет дома – верно уже уехал.

Жалею, что не повидал его.

Не знаю, что такое сделал сегодня с левою ногою, - при подъёме на лестницы ужасно болит в колене – словно бы что-то свернулось, а между тем при ровной ходьбе никакого болевого ощущения. Вчера вечером прямо-таки страдал; отправился хоть кого-ниб. отыскать – никого дома нет. Был у Анненкова; не видал его два месяца, и потому было много материала для разговора. Вернулся домой в 12 час. - пусто, страшно (дядя уехал в Стрельну и до сих пор ещё не вернулся). Сегодня предстоит посещение Удельной; не скажу, чтобы это было приятно, но с дядей- то ещё ничего, а каково-то будет потом мне одному.

Приехал дядя. До свиданья.

Пиши. Поклон всем.

Целую Тебя Твой Н. Р.

Отдел рукописей. ГТГ. Ф. 44/206. 2 л.

12 [Июля 1900 г. СПб.]
Письмо Н.К. Рерих к Шапошниковой Е.И.

Среда 12-го. 6 часов после обеда

Ладушка, милая моя, сегодня уже неделя как я уехал от Вас, а от Тебя ещё – ни строчки! Что же это такое значит? Прямо не могу и придумать. Неужели письма Твои потерялись? – ибо не могу и представить, чтобы Тебе целую неделю не захотелось со мною хоть словечком перемолвиться. Не знаю, чего Ты этим хотела достичь, но достигла того, что сегодня я весь день болен, не находил себе места, не мог работать и мыслить. Милая, откликнись - напиши хоть строчку. Смотри, Ты заставляешь меня вымаливать у Тебя письмо... Как Ты мной завладела! – всем без остатка.

С ужасом вижу, что, кажется, больше люблю Тебя, нежели Ты меня. До чёрта без Тебя мне трудно. Почему же Ты мне не писала? - Причины ни за что не придумаю. Не было времени? – Не верю, ибо для письма время всегда есть. Не хотела? – Но за что же? Остаётся - была нездорова, неужели это так. Ваши, верно, уехали вчера. Думаю к Вам скоро приехать, если Ты хочешь этого. Дядя сегодня уехал. На вокзале получилась неприятная сцена; только что мы вышли на дебаркадер, как навстречу нам послышалось зауспокойное пенье – оказывается, отправляли какого-то покойника.

В Понедельник были мы с дядей на Удельной. Впечатление вынесли очень тяжёлое. Отец опять раздражён и зол, говорит: «они не имеют права держать меня. Я здоров совершенно; меня запрятали сюда – думают, что здесь с ума сойду. Мне доктор сам предложил гулять где угодно и в город ездить, а сторожа не пускают и т. д.»

Другие больные нас окружили, каждый из них считает себя здоровым. Один из них, красивый молодой человек, дал мне написанную им телеграмму с просьбою отправить её Губернатору. Телеграмма строк в 20 и настолько сжатого, разумного и трогательного содержания (к тому же без единой ошибки), что мы с дядей диву дались, и ничего что здоровые, а такой телеграммы даже сообща не написали бы. Другой больной, благообразнейший седобородый англичанин, начал нам жаловаться на министра финансов, который его обобрал и даже мебель от него отнял. Все они поют всё ту же песню, а по виду иногда прямо трудно предположить, что этот человек больной. Посылающий телеграмму Губернатору ухаживал за сумасшедшими дамами, целовал им руки – кавалер, да и только.

Сегодня страшно мучился с воронами; то кажется, что из них толк выйдет, то хочется их уничтожить, а всё Ты виновата! Привезу с собой 1 том Горького и «Сказки» Салтыкова – почитаю Вам. У Горького есть чудеснейшая сказка, где описывается наказание за гордость. Наказанный был осуждён на полное духовное одиночество - и как ни искал он смерти, как ни просил её у людей, все сторонились его, крича: «не троньте его – он хочет умереть». Этот человек был сын орла и презирал людей. Сказка превосходная – вместе почитаем.

Вчера художник Федорович затащил меня к себе в мастерскую в Академии – он пишет картину на звание. Я ему много толковал про Дягилева и про всякие наши художественные дела. Он, видимо, сочувствует, но когда я вышел от него, меня охватило сомнение: а ну как он сделает сплетню и перенесёт мои

слова Миру Искусства! Скверное положение, с одной стороны, надо говорить, надо проповедовать и сбивать сторонников, а с другой, надо молчать и таиться – трудно угадать середину.

В Понедельник и вчера по вечерам приходили гости. В понедельник был Заболотский, всех ругал; дядя дразнил его и балагурил.

Неужели и сегодня с вечерней почтой и завтра не получу Твоих писем? Передала ли Екатерине Васильевне мой вопрос. Скверная Ты, вот что! Что же Ты хочешь, чтобы я заболел, чтобы ничего не делал, чтобы плакал!

Миленькая, хорошая, напиши же! пожалуйста. Целую Тебя крепко. Нет ли каких поручений? Екатерину Васильевну целую и кланяюсь, надеюсь, она меня не ругает.

Как мне бывает страшно в пустой квартире ночью.

Твой весь *Н. Р.*

Что-то скверно; неужели Ты в худом настроении? Часто ли обо мне думалось?

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/207. 3 л.

13 [июля 1900 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Четверг. 13-го. 6 часов.

Милая моя Ладушка, - бедная моя.

Вчера во втором часу возвращаюсь от Свиньина и по дороге говорю Строннему: «А знаете, у меня кто-то нездоров, с кем-либо из близких неприятность – мне что-то не по себе». Он ещё засмеялся: «полноте, можно ли так нервничать!» Прихожу домой и нахожу письмо от Екат[ерины] Вас[ильевны]. Увидав конверт с почерком Екат. Вас., я перепугался не на шутку, даже боялся открывать, ибо моё предчувствие как раз подавляло меня в это время. Хорошая моя, что же это за напасть на Тебя, то палец, а теперь ещё глаза! И как не стыдно Твоим глазам – таким красивым – болеть и мешать Твоим занятиям. Что же с ними такое? Пожалуйста, не запускай и съезди поскорее к Биллярминову. Мне как-то даже странно на себя: как это я, отъявленный эгоист, могу болеть душою за другого человека.

Как жаль, что я не получил письмо утром – сегодня же был бы у Вас, а теперь условился с друзьями отца быть с ними у него в среду в 6 час., и потому могу к Вам выехать лишь в Среду в полночь. Как досадно и скучно! – целых 5 дней. Я бы стал развлекать Тебя, читал бы Салтыкова и Горького. Если не лучше будет, напишите, постараюсь удрать от поездки на Удельную и скорее быть у Вас.

Я в претензии на Екат. Вас., вдруг пишет мне: «многоуважаемый» и «жму руку», т. е. точно так же, как писала весною. Если тогда я был ей многоуважаемый, то теперь надеюсь заслужить какое-либо иное прозвище, а рукопожатие она могла бы заменить чем либо иным! Да-с! Впрочем, что же это я на неё жалуясь – быть может, она сама будет читать это письмо. Прежние письма Ты сама читала или уже Екат. Вас.; если она, то я впадаю в конфуз, ибо не предполагал, что эти письма будут читаемы человеком, для которого я только мно-

гоуважаемый, но может быть, Екат. Вас. назовёт меня как-ниб. иначе – тогда пускай читает.

Опять-таки не могу примириться, чтобы моя Ладушка была нездорова и ничего не могла делать, а я сидел бы далеко от неё в скучном и пыльном Питере. Не махнуть ли мне сегодня же к Вам? – но тогда придётся в Воскресенье опять уехать до Среды – этакое глупейшее распределение.

Как неприятно быть в пустой квартире; прямо-таки я не могу быть один, я привык с людьми быть, а тут все уехали.

Вчера был у Свинына; был там и Сторонний – целый вечер строили всевозможные планы. Вчера Свинын обедал у Тевяшева, который будто бы сказал ему, что искренно уважает только двух художников: Васнецова да меня. Я даже усумнился, всерьёз ли говорил Свинын, но лицо было у него серьёзное и тема разговора была не шуточная.

Сегодня я работал, как чернорабочий от 10 до 3 ½, не отдыхая – всё на ногах. Устал, как калека. Ещё раз прорисовал воронов и завтра начну их красками – во всю мочь. Сейчас чувствую себя настолько усталым, что прямо-таки с трудом могу размышлять, придётся либо прилечь, либо идти гулять. Не пойти ли мне в оперетку? – как Ты думаешь? Не сердись – конечно, без дяди не пойду, я ведь был только ради него.

Господи, как хорошо было бы сейчас сидеть в Бологое около Тебя и смотреть на Тебя. Если Ты всё ещё не можешь писать, то попроси хоть Екат. Вас. черкнуть мне: как и что.

Нет ли поручений?

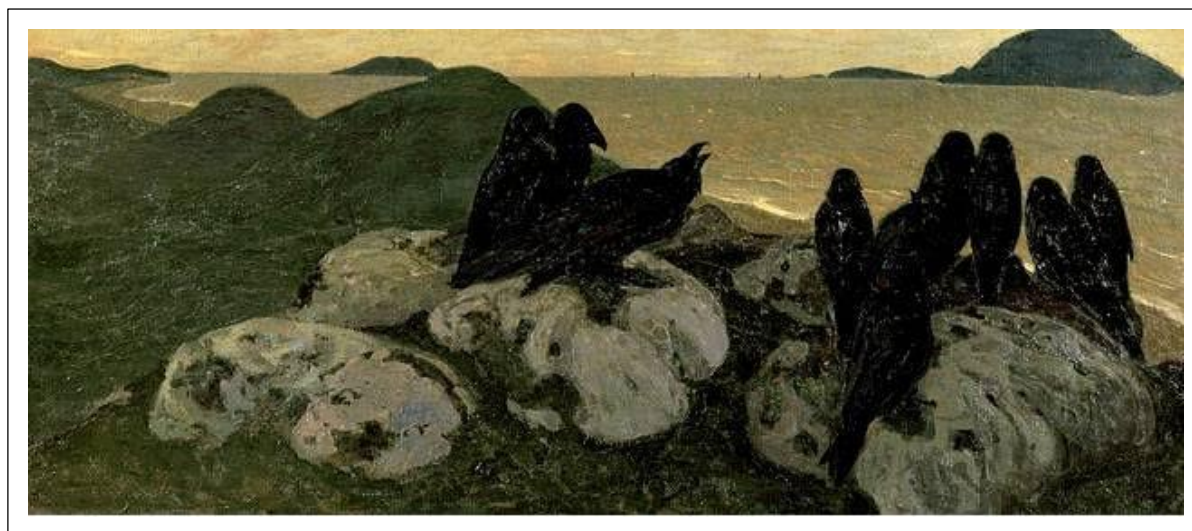
Поцелуй Екат. Вас. (видишь, какой я хороший, не то что она с рукопожатием. Пусть помнит, что «в юже меру мерите – возмерится и вам»).

Весь Твой

Н.Р.

13-е

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/219, 3 л.

Н.К. Рерих. Зловещие. 1901.

«Ещё раз прорисовал воронов и завтра начну их красками – во всю мочь...»

15 Июля [1900 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рерих к Шапошниковой Е.И.

Дорогая Ладушка, получил Твоё действительно неважное письмо, но рад хоть и такому, ибо уж очень скучал без Твоих весточек. Слава Богу, что глаза прошли, но что же это такое за настроение у Тебя? Богом молю, написать не медля: вследствие каких именно дурных мыслей Ты решила ехать на Кавказ, и какие именно думы мучат Тебя – от которых надо будет забываться неустанной игрой на рояле? Ради Бога, это в следующем письме.

Нога моя, вероятно, была ушиблена, ибо на другой день прошла. А знаешь, Твоё письмо совсем не хорошее, словно Тебе совсем не хочется со мною побеседовать? Как же это так? Верно, опять что-ниб. с Екат. Вас. вышло? – Напиши.

Сегодня утром был у меня Боткин, [рассказывал] кое-что о Парижской выставке; Слава Богу, мне не обидно, ибо и Васнецов, и Левитан, и Суриков, тоже ничего не получили. Вслед за Боткиным приехал (к моему изумлению) Нестеров и всячески (вероятно, он подослан Дягилевым) уговаривал меня не вооружать всех против Дягилева, что знакомство с Дягилевым мне может быть очень выгодно, что Дягилев очень хорошо ко мне относится и пр. Словом, чёрт знает что такое!

Вчера работал картину 7 часов, а сегодня 5 – до полного изнеможения, - прокладываю красками воронов. Был у Куинджи до 1 час. ночи проговорили – разговор полон трагизма – расскажу на словах. Вчера встретил Хрулёва, который очень демонстративно мне не поклонился.

Сейчас принимаюсь писать сказочку «Вера в себя» – привезу её Тебе прочитать. Мои уже в Кисловодске. Голубчик, напиши мне хорошее письмо, да не [на] такой бумаге – заставь себя изложить Твои думы.

С особенным нетерпением жду письма Твоего, думаю, что послезавтра получу.

Целую Тебя крепко и Екат. Вас.

Твой Н. Р.

15-го Июля, в мастерской 6 час., сегодня ещё не ел, иду домой.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/209, 2 л.

Н. Рерих, 15 Июля 1900 г.:

«Сейчас принимаюсь писать сказочку «Вера в себя» - привезу её Тебе прочитать...»

ВЕРА В СЕБЯ

В очень известном и большом городе жил старый царь, вдовец. У царя была дочь, невеста. Царевна далеко славилась и лицом и умом, и потому многие весьма хорошие люди желали сосватать её. Среди этих женихов были и князья, воеводы, и гости торговые, и ловкие проходимцы, которые всегда толкаются в знатных домах и выискивают, чем бы услужить; были разные люди. Царевна назначила день, когда могут прийти к ней женихи и сказать громко при ней и при всех, что каждый надеется предоставить своей жене; царевна была мудрая. Женихи очень ожидали этого дня, и каждый считал себя лучше всех других. Один перед другим хвалились женихи: кто именитым родом за тридевять поколений, кто богатством, но один из них ничем не хвалился, и никто не знал, откуда пришёл он. Он хорошо умел складывать песни; песни его напоминали всем им молодые, лучшие годы, при этом он говорил красиво, и его любили слушать, даже забывая спросить, кто этот певец. И хотя он не был князем, но все женихи обращались с ним, как с равным.

В назначенный день все женихи оделись получше и собрались в палату, к царю. Согласно обычаю, женихи поклонились царю и царевне. Никого не пустил вперёд князь древнего рода, за ним слуги несли тяжёлую, красную книгу. Князь говорил:

- Царевна, мой род очень знатен. В этой книге вписано более ста поколений...

И князь очень долго читал в своей книге, а под конец сказал:

- И в эту книгу впишу жену мою! Будет она ходить по палатам моим, а кругом будут образы предков весьма знаменитых.

- Царевна, - говорил именитый воевода, - окрест громко и страшно имя моё. Спокойна будет жизнь жене моей, и поклонятся ей люди - им грозно имя моё.

- Царевна, - говорил залитый сокровищами заморский торговый гость, - жемчугом засыплю жену мою; пойдёт она по изумрудному полю и в сладком покое уснёт на золотом ложе.

Так говорили женихи, но певец молчал, и все посмотрели на него.

- Что же ты принесёшь жене своей? - спросил певца царь.

- Веру в себя, - ответил певец.

Улыбнувшись, переглянулись женихи, изумлённо вскинул глазами старый царь, а царевна спросила:

- Скажи, как понять твою веру в себя?

Певец отвечал:

- Царевна! Ты красива, и много я слышал об уме твоём, но где же дела твои? Нет их, ибо нет в тебе веры в себя. Выходи, царевна, замуж за князя древнего рода и каждый день читай в его алой книге имя своё и верь в алую книгу! Выходи же, царевна, замуж за именитого гостя торгового, засыпь палаты свои сверкающим золотом и верь в это золото! В покое спи на золотом ложе и верь в этот покой! Покоем, золотом, алыми книгами закрывайся, царевна, от самой себя! Моего имени нет в алой книге, не мог я засыпать эту палату зо-

лотом, и куда иду я - там не читают алой книги и золото там не ценно. И не знаю, куда иду я, и не знаю, где путь мой, и не знаю, куда приду я, и нет мне границ, ибо я верю в себя!..

- Обожди, - прервал певца царь, - но имеешь ли ты право верить в себя?

Певец же ничего не ответил и запел весёлую песню; улыбнулся ей царь, радостно слушала её царица, и лица всех стали ясными. Тогда певец запел грустную песню; и примолкла палата, и на глазах царицы были слёзы. Замолчал певец и сказал сказку; не о властном искусстве говорил он, как шли в жизнь разные люди и пришлось им возвращаться назад, и кому было легко, а кому тяжело. И молчали все, и царь голову опустил.

- Я верю в себя, - сказал певец, и никто не смеялся над ним. - Я верю в себя, - продолжал он, - и эта вера ведёт меня вперёд; и ничто не лежит на пути моём. Будет ли у меня золото, впишут ли имя моё в алых книгах, но поверю я не золоту и не книге, а лишь самому себе, и с этой верой умру я, и смерть мне будет легка.

- Но ты оторвёшься от мира. Люди не простят тебе. Веря лишь в себя, одиноко пойдёшь ты, и холодно будет идти тебе, ибо кто не за нас - тот против нас, - сурово сказал царь.

Но певец не ответил и снова запел песню. Пел он о ярком восходе; пел, как природа верит в себя и как он любит природу и живёт ею. И разгладились брови царя, и улыбнулась царица, и сказал певец:

- Вижу я - не сочтут за врага меня люди и не оторвусь я от мира, ибо пою я, а песня живёт в мире, и мир живёт песней; без песни не будет мира. Меня сочли бы врагом, если бы я уничтожил что-либо, но на земле ничто не подлежит уничтожению, и я создаю и не трогаю оплотов людских. Царь, человек, уместивший любовь ко всей природе, не найдёт разве в себе любви - к человеку? Возлюбивший природу не отломит без нужды ветки куста, и человека ли сметёт он с пути?

И кивнула головой царица, а царь сказал:

- Не в себя веришь ты, а в песню свою. Певец же ответил:

- Песня лишь часть меня; если поверю я в песню мою больше, чем в самого себя, тем разрушу я силу мою, и не буду спокойно петь мои песни, и не будут, как теперь, слушать их люди, ибо тогда я буду петь для них, а не для себя. Всё я делаю лишь для себя, а живу для людей. Я пою для себя, и пока буду петь для себя, дотоле будут слушать меня. Я верю в себя в песне моей; в песне моей - всё для меня, песню же я пою для всех! В песне люблю лишь себя одного, песней же я всех люблю! Весь для всех, всё для меня - всё в одной песне. И я верю в себя и хочу смотреть на любовь. И как пою я лишь для себя, а песню моей живлю всех, - так пусть будет вовеки. Поведу жену в далёкий путь. Пусть она верит в себя и верой этой даёт счастье многим!

- Хочу веры в себя; хочу идти далеко; хочу с высокой горы смотреть на восход!.. - сказала царица.

И дивились все.

И шумел за окном ветер, и гнул деревья, и гнал на сухую землю дождевые тучи - он верил в себя.

Н.К. Рерих

16 Июля 1900 г. СПб.

Письмо Н.К. Рерих к Шапошниковой Е.И.

Милостивая Государыня,

Наидражайшая невеста моя, Елена Ивановна.

Напрасно думаете утрудить ручки Ваши отодраанием меня за хохол мой, ибо он таковой у меня маленький и оной критики Вашей противоустоять не в состоянии.

Тоже напрасно думаете, что спать ложимся мы с петухами; мы хоша и купеческаго сословия, но дворянския привычки с малых лет исполнять приобываем и вечером сидим в трактере, ведём разговоры и слушаем машину, и когда машина играет что-либо чувствительное для сердца, то мысленно и почтительно целую я Ручьки Ваши. Опять же, напрасно думаете Вы, Елена Ивановна, что храплю я во всю Ивановскую — скажу, как приятно было мне слышать из сахарных уст Ваших, наше любимое купеческое слово — то пренапрасно Вы на меня такая размышления имеете, оной привычки храпеть мы не имеем, а ежели во сне когда и присвистываем, - то в самую умеренную препорцию. В трактере непутственных разговоров мы не водим, а ведём кампанию с людьми солидными. Первое, Коммерции Советник Свиньин - двор строительных материалов содержит и покойный, Царствие Небесное, Папашенька Ваш, про него слыхивал. Второе, купеческий сын Александр Иванов Косоротов — галантерейными товарами шибко приторговывает. В-третьих, Греческаго Короля поставщик Куинджев восточный магазин имеет.

С оными людьми мы водим канпанию.

За благовониистыми духами я послал мальца и настрого приказал прежде не брать, а понюхать, чтобы не было обману и духи крепко бы пахли. Малец нюхал и чихал даже, следовательно, духи добротные.

Понимает ли Тевяшев толк в товаре и до того мне дела нету, но хочет он купить у меня оптом партию оченно большую, и такие покупатели нам с руки. В Среду прикончу дела мои торговые и еду повидать Ваши ясные глазки.

Почтительнейше целую ручьку мамашеньке достопочтенной Екатерине Васильевне и пальчики Ваши несчётное число раз перецоловывая, и Господа о здравии Вашем моля усердно пребуду почтительнеше.

Купеческий сын и москательного магазина владелец,

*Николай Константинов сын Рерихов
Санкт Петербург Июля 16 года 1900*

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/161, 2 л.

У очага. Набросок композиции к картине «Священный очаг». 1900.

26 июля 1900 г. СПб.

ХРОНИКА

С глубокою скорбью Мария Васильевна Рерих с детьми извещает родных и знакомых о скоропостижной кончине мужа и отца Константина Фёдоровича Рериха, последовавшей 26-го июля. О дне погребения будет объявлено особо.

Новое время. 1900. 28 июля/10 августа. № 8770. Пятница. С. 1.

27 Июля 1900 г. СПб.

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Дорогая моя, не могу не урвать минутку, черкнуть Тебе. Страшно устал, всё ездил, надо всё сообразить и устроить, и руки сейчас немного трясутся.

Умер отец скоропостижно от сердца; настроение было спокойное, накануне вечером ещё играл с другими больными в карты.

Умер 26-го в 8 час. утра, но телеграмму из Удельной не сейчас распечатали, дома. Завтра перенесут в церковь, гроб зальют, а похороны – когда приедут наши, думаю, в воскресенье к вечеру.

Как Ты растрогала меня своим отношением, спасибо, родная, спасибо, милая; в Тебе всё моё прибежище. Пожалуй, Ты и ночь плохо спала? Я так не спал, лишь часов в 5 немного позабылся до 6 1/2;. Какая Екат[ерина] Вас[ильевна] добрая и хорошая, поцелуй её, когда мы поцеловались на прощанье – это было что-то родное. Она пожалела меня.

Напиши мне милая. Не волнуйся.

Твой весь *Н. Р.*

Какая Ты хорошая!

27 Июля. 3 часа. Сейчас на панихиду.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/210. 2 л.

Суббота. 29 Июля 1900, СПб.

Письмо Н. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Дорогая Ладушка,
уже Суббота сегодня и 5 час., а письма Твоего всё нет, да нет, что же это такое? Уже здорова ли Ты? Господи, какие у меня ужасные эти дни, прямо ноги отнимаются, хотя настроение теперь спокойное, ибо всё хорошо выходит. Только по вечерам мне становится до того скучно в пустой квартире, что уже вторую ночь ночую у Свиньи. Похороны только в Понедельник. Сейчас сижу и не

могу собрать мыслей — такую уйму всякого разнообразного народа приходится теперь видеть.

Вчера перенесли в церковь; никто не знает об этом, были лишь 5 самых близких семей. Наши вернутся лишь в понедельник утром.

Как то Твоё настроение? и Екат. Вас.?

Гроб вчера запаяли, ибо страшно уже меняется. Вчера я даже и не видал лица, после того как сказали, что лицо стало страшное, мне не хотелось портить впечатления, ибо третьего дня выражение лица было спокойное и черты ещё тонкие. Последние дни отец вёл себя спокойно, бреда было мало. Я думаю, что мама не очень волнуется.

Нет, ни о чём не могу писать, передо мной стоит лицо Твоё. У Тебя были такие грустные, грустные глаза. Милая Ты моя!

Опять идут со счетами — всё плачу, не дают писать, а сейчас надо отослать, иначе сегодня не пойдёт.

Посылку Твою Андрей сегодня зашивает, а завтра пошлёт.

Целую Тебя крепко и Екат. Вас. Пиши

Твой

Н.Р.

29 Июля 1900 г.

Опять чуть не плачу, но не от горя, а от радости, ибо сейчас получил Твоё письмо.

Да, Тебя можно любить, нужно любить и только Твоя любовь даёт мне силы. Знаешь, несчастье ещё ближе нас поставило. Какая Ты хорошая, какая сердечная, добрая.

Спасибо, спасибо, спасибо. Не можешь представить, до чего дорого и необходимо мне Твоё слово.

Твой

Н.Р.

Письмо моё уже было запечатано, но я вписал - сейчас отправляю.

Отдел рукописей ГТГ, 44/159, 2 л.

30 июля 1900 г. СПб.

ХРОНИКА

С глубокою скорбью Мария Васильевна Рерих с детьми извещает родных и знакомых о скоропостижной кончине мужа и отца Константина Фёдоровича Рериха, последовавшей 26-го июля. Вынос тела из церкви Св. Екатерины (Васильевск. остр., угол 1-й линии и Большого просп.) последует в понедельник, 31 июля, в 3 часа дня на Смоленское православное кладбище.

Новое время. 1900. 30 июля/12 августа. № 8772. Воскресенье. С. 1.

[30 Июля 1900 г. СПб.]

Письмо Н. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Дорогая моя,

Ты пишешь, что хорошая наша любовь; правда, она хорошая, и ею можно только гордиться, а никак не стыдиться её. Я чувствую, что только Твоё слово может успокоить меня.

Послушай, какие гадкие слухи до меня доходят. Кухарка нижней жилицы Резановой, говорила Советовой, что «вот-де так барыня, упрятала здорового человека в сумасшедший дом, а сама на Кавказ уехала и т.д.». С другой стороны говорят, что будто он с тоски кончил самоубийством. И такая нелепая ложь может распространиться, и знаешь, язычки у людей! Ты никому этих слухов не передавай, но у меня они слишком тяжёлым камнем лежат на сердце, и не могу не поделиться с Тобой. Узнав про Резановскую кухарку, я бросился вниз и буквально с пеною у рта предупредил её, что если услышу ещё что-либо, то ей придётся говорить с жандармами. Только бы ничто не дошло до мамыши. Теперь я окончательно взял себя в руки и завтра встречу её на вокзале весёлый, успокою её.

Дома всё по-прежнему, его она не увидит, Лютеранск. службы она не любит и будет как на чужих похоронах.

Сделал всё, что мог, даже приготовил траур для мамыши. Всё страшно дорого, но надеюсь, она не будет в претензии, ибо я считаю моим долгом, чтобы всё было очень хорошо.

Если эти дни не получишь письма – знай, что у меня не было минуты присесть к столу, но мысленно я с Тобою. Сейчас еду осматривать открытый склеп.

Целую крепко. Пожалуйста, пиши; всех целую.

Господи, какая полоса на меня идёт. Твой весь

Н. Р.

Воскресенье 3 часа д.

Какая странность! Сейчас кончаю писать и слышу рядом в комнате совершенно явственно волочитя по полу стул. Я кричу: София (мне её нужно было), думая, что это горничная, выхожу - никакого нет. Иду на кухню и узнаю, что в комнаты никто не входил и ни собаки, ни кота не было. Вот странно! А слышал я совершенно явственно.

Как нервы разошлись!

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/436, 2 л.